

«Я знаю намного больше, чем могу рассказать»

Петр Авен о русском модерне, писательстве и мечтах о кино

В конце прошлого года во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства при личном патронаже и поддержке Петра Авена открылась постоянная экспозиция «Русский стиль. От историзма к модерну». Ксения Соколова поговорила с коллекционером и главой группы «Альфа-банк» о его собственном собрании русского искусства, о перспективах открытия частного музея, о новой книге, посвященной Борису Березовскому, и об интересе к телесериалам.

— Почему вы решили поддержать экспозицию «Русский стиль» в Музее декоративно-прикладного искусства?

— Я сам собираю похожее искусство, у меня большая коллекция. Мне кажется, каждый коллекционер испытывает естественное желание пропагандировать то, что он сам собирает. Вообще русский модерн — тема мало исследованная, мало обсуждаемая, почти неизвестная в мире. Врубель — один из очень немногих оригинальных русских художников мирового класса, главная фигура русского модерна — совершенно неизвестен на Западе. Мне, как и каждому коллекционеру, хочется, чтобы то, чем он увлечен, стало известно в мире. «Русский стиль» в музее ДПИ — замечательное собрание.

— Вы поддерживаете еще какие-нибудь просветительские проекты в этой области?

— Конечно. Я сделал уже несколько книг по моим коллекциям, мы создали вместе с моими коллегами фонд Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова, занимаемся сейчас оцифровкой архива. Одна из целей этого проекта — борьба с фальшивками. Как только мы начали этим заниматься, поток фальшивок по Гончаровой и Ларионову резко уменьшился. Вообще я увлечен большим количеством разных проектов вокруг моего собирательства.

— Это собирательство имеет конечную цель? Например, создание собственного музея?

— Безусловно. Я хочу сделать частный музей, даже не один, а несколько в разных местах.

— В России?

— Возможно, и в России, и за рубежом. В России есть одна большая проблема: моя коллекция живописи сильно уступает собраниям Русского музея и Третьяковки, так что делать еще один музей подобной

живописи не имеет смысла. Наверное, имеет смысл заниматься пропагандой русского искусства за рубежом, а не в Москве.

— Почему речь не идет о создании музея в каком-то провинциальном русском городе?

— Я не связан эмоционально ни с одним провинциальным городом, я нигде, кроме Москвы, не жил. Трудно создать музей там, где вы никогда не жили, нужна эмоциональная привязанность. Но есть города в мире, к которым я эмоционально привязан. Прежде всего это Рига, куда в свое время уехал мой дед. Моя семья долго жила в Лондоне, там жила моя покойная жена, и у меня, безусловно, есть эмоциональная связь с этим городом. Кроме того, это культурная столица Европы, так что создание музея в Лондоне вполне естественный шаг. Третий важный для меня город — это Вена, где я жил и где у меня родились дети. Это тоже культурная столица Европы, огромная столица модерна, который очень повлиял на русских. Вне России я бы назвал эти три точки: Рига, Лондон, Вена. Но это все пока теоретический разговор.

— Сейчас, помимо вашей основной профессии, ваше любимое занятие — это коллекционирование? Или, возможно, писательство, которым вы серьезно занялись?

— Меня увлекает и то и другое. Я вообще делаю то, что мне интересно, и на работе тоже. Меня все спрашивают, зачем я написал книжку о Березовском. Мой ответ: только потому, что мне это было интересно, никакого другого объяснения нет. Мне просто было интересно говорить о Березовском, о времени, о поколении с разными людьми.

— Мы недавно обсуждали фильм о моей погибшей подруге Лизе Глинке, и Валера Тодоровский сказал, что прошло слишком мало времени, мы еще не можем это все осмыслить. Набегут люди,

которые будут говорить, что она была не такая, все было не так, и все будут только недовольны. Вам не кажется, что с вашей книжкой могло произойти примерно то же самое?

— Я с этим совершенно не согласен. На самом деле с каждым годом сознание все сильнее искажает правду. Люди даже не столько врут, сколько сама картинка у них в сознании искажается со временем, и чем больше прошло времени, тем сильнее абберация. Наиболее адекватную картину можно создать именно по горячим следам, не пытаясь осмыслить, не пытаясь делать выводы. Это, кстати, абсолютно западная практика — моментальное реагирование на историю.

— Мне Березовский в интервью сказал одну фразу, я ее очень хорошо запомнила и сама ею оперирую: «Кто умер, тот проиграл».

— Он примерно то же самое сказал Абрамовичу: «Тебя убили — значит, ты проиграл».

— Не выглядит ли это так, что он проиграл, а вы имеете возможность теперь описать все так, как видите это вы?

ГЕОРГИЙ КОРДАВА